СОБЫТИЯ

ЭРДОГАЗМ

ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД в "Завтра" выходил обзор предвыборных мероприятий Реджепа Эрдогана. Митинги, выступления на выставках, недомогание в прямом эфире, торжественные мероприятия — словом, ничего необычного. Оппонент действующего президента, Кемаль Кылычдароглу, в принципе действовал ровно так же, только менее активно и на заметно более сжатом пространстве: если Кемаль ездил по регионам, традиционно поддерживающим либералов, секуляристов и вообще любых антиэрдогановцев, то кампания Эрдогана охватывала города и в глубине Малой Азии, где живёт его средний избиратель. Но финальные аккорды двух предвыборных кампаний были наиболее показательны. Кылычдароглу провёл своё последнее выступление в Аныткабире — огромном комплексе то ли античного, то ли хеттского стиля в центре Анкары, мемориальном комплексе Ататюрка. Эрдоган же поехал в Стамбул, где выступил в Айя-Софии, его стараниями превращённой из музея в мечеть. Символы двух радикально иных взглядов на будущее Турции в самом сердце враждебных территорий: древняя София стоит посреди либерального мегаполиса, а Анкара голосует за президента. В целом же на финальном этапе гонки не случилось больше ничего интересного, если не считать одного небольшого грязного эпизода. Кылычдароглу вдруг обнаружил, что русские хакеры делают фейки с оппонентами Эрдогана и помогают тому переизбраться. Это вызвало странную реакцию: кандидат от оппозиции написал в соцсети, что если Россия хочет продолжения дружбы, то пускай держит руки подальше от турецкого государства. Странный ход с разоблачением подлых русских хакеров повеял 2016 годом, после которого в "развивающихся демократиях" стало модно искать русских под каждым камнем, — находили даже в Белоруссии — и не слишком повлиял на рейтинги, но конкретно испортил отношение к Кемалю среди российских обозревателей. Пассивно-агрессивный тон обращения, его полная бездоказательность и тот факт, что "обращение русским друзьям" сначала было написано на турецком, выдавали в этом нехитром трюке эффектный жест на внутреннюю аудиторию, но то ли времена слишком изменились, то ли на привычную к хитростям турецкую публику такое не действует: резкого роста поддержки это не вызвало.

ГОЛОСОВАНИЕ СОСТОЯЛОСЬ в воскресенье, 14 мая. Подсчёт голосов начинался с центральной части страны — той самой, что поддерживает действующего президента. Именно поэтому вначале показатели Эрдогана били все рекорды, что заставило многих заранее объявить Реджепа единоличным победителем. Но ближе к утру в результаты стали включаться проценты из прибрежных регионов — тех самых, что традиционно поддерживают либералов, — и юго-востока страны, населённого курдами. Курды и без того обыкновенно голосуют за оппозицию, но уж к товарищу Эрдогану они и вовсе пылают нежной любовью, так что показатели Кылычдароглу там помогли сократить разрыв. В итоге впервые в истории Турции ни один кандидат не набрал 50%+1 голосов в первом туре: за Эрдогана проголосовало 49,3% избирателей, за его главного соперника — 45%, а около 5% себе забрал Синан Оган. Оган — кандидат азербайджанского происхождения от альянса правых националистов — в своё время работал в Азербайджанском государственном экономическом университете, принимал участие в заседаниях клуба "Валдай" и защищал диссертацию в МГИМО. Говорят, что Оган намерен поддержать оппозиционного кандидата, но пока есть время до второго тура, за его долю голосов будет идти торг. Эрдогану есть что предложить националистам: его коалиция на парламентских выборах, проходивших в тот же день, взяла себе 322 места из 600, а конкретно эрдогановская Партия справедливости и развития набрала 35% голосов. Второй тур пройдёт 28 мая, и в эти две недели можно будет ожидать накала обстановки. Утром 15 мая турецкое провластное издание TRHaber опубликовало со ссылкой на мутного американского блогера новость о том, что Джордж Сорос умер от сердечного приступа — новость, впрочем, быстро была удалена. Трактовать это можно по-всякому: как ошибку или же сознательный намёк на незавидную судьбу тех, кто решит заняться реализацией в Турции оранжевого сценария помощи "своему сукину сыну".

Разговоры о том, какую ориентацию имеет Кылычдароглу, велись все последние недели. Нет, я не про тот случай, когда Эрдоган, проникшись всей тонкостью и неоднозначностью восточной политики, назвал турецкую оппозицию геями. Нет, прежде всего, — покуда этот товарищ оказался ближе к победе на выборах, чем любой другой оппозиционный кандидат, — нас интересует его отношение к России и к Западу. В принципе, о первом красноречиво свидетельствует история с фантомными хакерами — Кылычдароглу повёл себя как типичный западный политик, у которого в отношении России действует презумпция вины. Многочисленные заявления о том, что Турции нужно вспомнить о членстве в НАТО и восстановить утраченную демократию не менее красноречиво показывают нам курс этого соломенного оппонента, которого поддержали 45% граждан.

И всё же, несмотря на мощную раскрутку оппозиционного кандидата, несмотря на поднявшиеся по всему "цивилизованному миру" разговоры о том, что Турция готова сбросить с себя ярмо авторитаризма, следует понимать, что в кампании Эрдогана, похоже, был заложен запас мероприятий под второй тур выборов. Большее пространство для манёвра — широкий спектр потенциально ярких и приятных избирателю выступлений президента, большой запас лояльных Эрдогану и симпатичных аудитории лидеров мнений (вроде футболиста Месута Озила) и более развитое умение увлекать людей, чем у оппонента, — всё это делает Эрдогана фаворитом второго тура. Но случиться может всякое: это демонстрировали нам и проблемы Реджепа со здоровьем, и богатая история различных "народных волеизъявлений". Не сказать, чтобы Эрдоган стоял костью в горле у дирижёров этих самых "волеизъявлений", но работать с Кылычдароглу им явно будет удобнее.

ИМРАНГЕЙТ

НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ в "Завтра" публиковался текст про коронацию Карла III. Та его часть, что была посвящена связям нового короля, рисовала два контура взаимодействия Англии с Востоком. Первый через Саудовскую Аравию и Пакистан стремился в Китай, а второй на катарских деньгах мчался в направлении Индии. В том тексте как бы невзначай упоминалась одна из ключевых фигур первого контура — бывший премьер Пакистана Имран Хан. Близкий друг покойной принцессы Дианы, тесный товарищ кучи британских аристократов (в числе которых его бывшая жена Джемайма Голдсмит), бывший чемпион по крикету и в целом обаятельный товарищ, Хан всю свою карьеру был блистательно белой вороной на небосводе пакистанской политики. На минувшей неделе Хан оказался в эпицентре кризиса, расколовшего пакистанскую власть.

В Пакистане, где у силовых структур имеется своё государство (а не наоборот, как почти во всём остальном мире), появление такого человека на посту премьера было признаком переориентации Пакистана с Запада в сторону Китая — по крайней мере, так утверждали обозреватели из глобальной прессы в 2018 году, когда Хан занял свой пост. За Имраном стоял огромный круг связей, поднявший его на поверхность змеиной ямы пакистанской политики, но не одними только связями Хан умудряется держаться на плаву: яркий и харизматичный популист, он легко завоёвывает толпы сторонников и изящно пробивает себе дорогу на первые полосы газет. В этом и состоит причина того, почему кризис вокруг отстранения Хана не удалось купировать и забыть так просто, как рассчитывали устроители этого кризиса. История началась ещё в прошлом марте, когда парламент выдвинул вотум недоверия премьеру. Для выдвижения этого вотума понадобилось согласие двух партий, обычно неспособных даже сойтись на том, что вода мокрая, а небо — голубое. Правая Пакистанская мусульманская лига и левая Пакистанская народная партия построили вокруг своей вечной грызни всю политическую жизнь этой относительно небольшой, но очень густонаселённой страны на севере Индостана. В какой-то момент эта грызня начала порядочно утомлять некоторых особенно влиятельных силовиков, чьим фаворитом оказалась третья сила в виде "Движения за справедливость", основателем и руководителем которого и был знакомый нам выпускник Оксфорда. На посту премьера Хан, как и диктует здравый смысл региональному игроку, зажатому между большими странами, старался избегать следования глобалистским догмам и понемногу танцевал со всеми. Китаю он предоставлял сухопутный транспортный коридор до Ирана и доступ к Индийскому океану через арендованный китайцами пакистанский порт Гвадар. Москве Хан запомнился не только визитом 24 февраля прошлого года — визитом, который в тех обстоятельствах, пожалуй, любой отменил бы, — но и обещаниями увеличить закупку нефти после прошлого февраля, которые он не успел осуществить. Хан старался не накалять ситуацию даже со злейшим врагом своей страны — от него несколько раз исходили похвалы индийскому премьеру Моди, а в период его руководства Пакистаном Исламабад обещал активнее участвовать в инициативах ШОС на пару с Дели. Но Хана сместили. Консенсус двух партий, столь же непримиримых, как демократы и республиканцы в США, удивительным образом совпадал с чаяниями Госдепартамента: смещение случилось на следующий день после отставки Ханом Камара Баджвы — открытого сторонника американского направления пакистанской политики, главы местного генштаба и одного из самых активных критиков премьера в силовом блоке. Добавьте к этому слитую переписку, где посол Пакистана в США Шерри Рехман за несколько дней до парламентского демарша передавала домой послание главы Госдепартамента Энтони Блинкена, где Хана призывали сложить полномочия добровольно, не то для этого придётся задействовать силы внутри парламента. Так и вышло, причём когда решение парламента попытался отменить президент страны Ариф Алви, Верховный суд отменил эту отмену.

Происходило это ещё в прошлом марте и апреле, и парламент, откуда в знак протеста ушли все сторонники Хана, назначил премьером Шахбаза Шарифа. Семейство Шарифов вообще считается кланом лоббистов хороших отношений с Китаем, но поздравления Шарифа со стороны Энтони Блинкена намекали, что вопрос выходит за пределы дихотомии "Пекин — Вашингтон".

ВСЕ ЭТИ МЕСЯЦЫ Имран Хан рассекал по стране, и всюду, где он появлялся, его встречали толпы сторонников. Именно эта популярность вкупе с драмой — в минувшем ноябре на митинге в Вазирабаде на Хана было совершено покушение — поддерживала рейтинги бывшего премьера намного выше рейтингов действующей власти. Эти рейтинги укрепляло и неприкрытое политическое преследование: минувшей осенью местная пресса активно раскручивала историю о том, что Хан якобы продавал налево вещички из национальной сокровищницы — за это суд запретил ему заниматься политикой следующие пять лет, ну а к нынешней весне дозрела другая умело развёрнутая кампания — о воровстве Ханом и его женой Бушрой Биби 50 млрд рупий (что-то около 175 млн долларов) из фонда для открытия нового университета.

9 мая Хана арестовали. Историю этого ареста в будущем внесут в учебник по политическим гонениям в раздел "Как делать нельзя". Во-первых, повод для преследований Хана оказался жиже некуда: арест за коррупцию в поделённом между кланами Пакистане похож на арест за проституцию в Амстердаме. За плечами любого из крупных политиков послужной список подобных художеств куда больший, так что арест Имрана его многочисленные сторонники справедливо восприняли как попытку запрятать чересчур популярного оппозиционера куда поглубже. Во-вторых, сам арест был проведён очень криво: в день ареста полиция призвала сторонников бывшего премьера ни в коем случае не протестовать, а когда протесты ожидаемо вспыхнули, глава МИД страны Билавал Бхутто Зардари потребовал немедленно их прекратить, а не то будет хуже. В-третьих, в качестве реакции на вспыхнувшие по всей стране беспорядки гении из Исламабада не нашли ничего лучше, чем ввести армейские части в столицу и ряд других крупных городов, чем спровоцировали столкновения. Наконец, увидев, что всё пошло не по плану, центральная власть спешно сдала назад. Как показывает опыт многочисленных революций и "революций", проходивших на наших глазах по всему миру в прямом эфире, нет более надёжного способа успокоить бушующую улицу, чем принять её требования — после этого все просто тихо и мирно расходятся по домам, словно ничего и не было. Разумеется, признание ареста Хана незаконным, его освобождение и даже специально вынесенное по такому случаю решение Верховного суда — того самого суда, что отменил отмену решения парламента о смещении Хана, — ничуть не сбило задора протестующих, бросившихся в столкновения со сторонниками нынешнего парламента с новой силой. Пока беспорядки продолжаются, Хан подбрасывает в их огонь всё новые дрова. По его словам, за смещением в прошлом апреле стоят Вашингтон и Лондон. И если с ролью Вашингтона мы более-менее разобрались, то роль Лондона — вопрос куда более интересный, ведь не просто так нынешнее правительство упрекает Хана в получении денег всё от того же Лондона.

Правы, как ни странно, обе стороны. Лондон, как известно, не только is the capital of Great Britain, но ещё и город, в котором на протяжении столетий формировались разные группы элит с зачастую ровно противоположными намерениями. Переворот в пользу Шахбаза Шарифа, от которого ждали прокитайской политики, оказался ни разу не выгоден Пекину — более того, активизировались контакты по линии Шарифа с Катаром через тесно связанного с этой страной и конкретно с шейхом Хамадом (о нём подробно говорилось в тексте про коронацию) брата нынешнего премьера Наваза Шарифа, который сам трижды был премьером в 1990-е и единожды — в 2010-е, незадолго до Хана. Словом, семейка Шарифов, активно участвующая в схемах катарского шейха, действительно работает на Лондон — на ту его часть, что недавно старым наследником взошла на престол. На это, к слову, намекает и тот факт, что в день ареста Шахбаз находился именно в Лондоне. Что же касается Имрана Хана, то его связи с Британией — если не считать дружбы с принцессой Дианой, её сыном Уильямом и объединяющей их семьёй Бэрингов — лежат в плоскости общих интересов в Китае. В этой плоскости Исламабад связан с Лондоном не через Катар, а через ОАЭ. Эмираты же в ходе борьбы за влияние в Европе засветили европейскую сеть Катара — так называемый Катаргейт, спаливший, что Социнтерн является просто-напросто сетью распространения катарского влияния. Эмиратские интересы задействуют путь в Европу через Сирию, с которой у Абу-Даби налажены неплохие отношения. Здесь ключевую роль в судьбе эмиратского проекта европейского направления и отчасти — в судьбе Имрана Хана будет играть второй тур президентских выборов в Турции 28 мая, ведь именно Турция стала площадкой для столкновения проектов. За плечами Реджепа Тайипа Эрдогана стоят Эмираты, недавно договорившиеся с ним о новых инвестициях, за плечами его конкурента Кемаля Кылычдароглу — поддержавший его Социнтерн. Вставшая на паузу ситуация в Пакистане (если, конечно, беспорядки можно считать паузой) просто выжидает победы одной из линий в ключевом для двух важных пакистанским элитам проектов регионе.

ИСПАНИДАД

АМЕРИКАНЦЫ — невероятно открытые люди. Даже слишком открытые. Помимо постоянных попыток навязать свою волю не только надгосударственным блокам, отдельным странам, объединениям и даже конкретным людям, помимо продвижения нужных им точек зрения и нарративов, они щедро делятся с миром своими проблемами. Уж, казалось бы, кому какое дело до споров между пуританами и яппи о правах на аборты или до стычек между реднеками и гангста по поводу ношения тяжёлых гаубиц в школах и библиотеках, однако же в периоды сезонного обострения слушать эти надоевшие перепалки вынужден весь мир, словно концерты мартовских котов или майских лягушек. Любой конфликт — будь то частность типа упомянутых абортов или серьёзные проблемы вроде грозящего государству дефолта — тут же превращается в нелепый балаган между симулирующими плюрализм партиями и имитирующими интеллект их сторонниками. Об этом упоминалось в прошлом номере "Завтра" именно в контексте финансовых проблем главного банковского центра планеты. Но есть и драмы, о которых Штаты молчат. Главную из таких тем на минувшей неделе прорвало, что указало на довольно интересный казус международной политики.

Итак, все знают, что в США с юга въезжают миллионы латиносов. Дорогу к американской границе им любезно предоставляет Мексика. Истерика по поводу плачевного положения дел на южной границе — неизменная часть внутриамериканского дискурса со времён как минимум Билла Клинтона. В своё время именно обещание построить на этой самой границе стену стало ключевым и самым заметным пунктом предвыборной кампании Трампа — пунктом, впрочем, так и не выполненным. В период жительства в Белом доме оранжевого человека граница превратилась в проходной двор — так казалось тогда. После смещения Трампа об охране границы вообще забыли, и проходной двор превратился в непрерывное мамаево нашествие. Находившиеся под ударом южные штаты — Техас, Нью-Мексико, Аризона и даже либеральная Калифорния — время от времени посылали в столицу нерешительные возражения по поводу кризиса на южной границе и просили что-нибудь сделать. Байден прислал своего самого надёжного человека — вице-президенту Харрис было поручено разобраться с происходящим. Но то ли это было хитрой подставой от чувствовавшего конкуренцию старика, то ли Джо реально не учёл вопиющей некомпетентности Камалы и её неспособности к организации работы государственной бюрократии, итог один — стало только хуже. Тогда приграничные штаты (кроме Калифорнии, конечно) принялись паковать мигрантов в автобусы и отправлять их "за сто первый километр" — в либеральные мегаполисы. То, что поначалу казалось политическим жестом (сами, мол, агитировали за их приём, так что сами и принимайте), довольно быстро превратилось в осознанную стратегию, наводнившую и без того не самые тихие и безопасные улицы различных Нью-Йорков и Сиэтлов толпами нелегалов. Беда в том, что эта стратегия вопреки всем математическим законам ничуть не помогла уменьшить количество нелегалов, напротив, их попёрло ещё больше. Трамп, обсуждая миграцию из Латинской Америки, как-то сказал, что "они посылают далеко не лучших". Статистика преступлений в южных штатах, взлетевшая после 2020 года, подтверждает его слова. Обычно "преступность в Мексике" — новость того же порядка сенсационности, что "жара в Узбекистане", но сейчас эта тема пересекается с другим сюжетом, который Вашингтон старается замять, игнорируя его масштабность. Фентаниловый кризис в США — новинка, ведь в былые времена наркоэпидемии имели в своей основе куда более безобидные вещества, если вообще понятие "безобидность" применимо к крэку, героину или метадону, чьим клином вышибают клин героиновой зависимости. Фентанил — крайне токсичный синтетический опиоид, изначально применявшийся как анестетик, но быстро взорвавший наркорынок своей дешевизной и относительной простотой производства. Значительно важнее в контексте миграционного кризиса, что составляющие лабораторий и компоненты для его производства очень легко перевозить, поэтому поток смертельного вещества через границу имеет громадные масштабы. Регулярно сообщается о выявлении тайников с фентанилом, объёма которого достаточно для убийства десятков миллионов человек.

Пандемия коронавируса, так удачно закончившаяся аккурат к коронации нового британского монарха, в своё время вызвала целую тонну ограничений, не всегда связанных с эпидемией, но неизменно ужесточавших режим, — вы и сами всё это помните. Одним из таких ограничений стала "статья 42", дававшая доблестным американским погранцам право брать нелегалов за смуглы рученьки и препровождать обратно на южную сторону границы. Да, это экстренная мера, в нормальных условиях их следовало задерживать и доставлять в центры временного содержания, где часть нежеланных гостей получала убежище, а часть — просто уходила, ведь что бы там ни говорила большая пресса, никаких "условий концлагеря" в этих центрах не наблюдалось. Так вот, поскольку теперь ковид "исчез", статью 42 на прошлой неделе отменили, что вернуло порядки приёма нелегалов на доковидные высоты. По толпам из десятков тысяч постоянно слоняющихся у границы потенциальных нелегалов прошёл благоговейный шёпот: "Ла Халява!", и миграционный кризис разгорелся с новой силой, ещё не виданной во времена седого президента. От 11 до 12 тысяч пересечений границы в сутки, 1,2 миллиона скрывшихся от пограничных патрулей только за 2022 год и масса предпосылок к тому, что 2023-й серьёзно превзойдёт эти рекорды, — всё это Вашингтон предпочитает либо игнорировать, либо неубедительно представлять не таким уж и значительным. Пока Джо Байден продолжает мямлить, его оппоненты делают себе на этом рейтинги: основным слоганом Трампа, который при сохранении нынешних тенденций вернёт-таки его в Белый дом, является фраза "Байден делает плохо, а я буду делать хорошо". Эта нехитрая формула применяется и в отношении пограничного кризиса, причём никакой конкретики Донни не приводит, а когда приводит — лучше бы молчал (об этом поговорим чуть позже). Самой интересной и, возможно, даже действенной идеей Белого дома стала высказанная на прошлой неделе инициатива о том, куда же девать всех этих нелегалов. В качестве двух основных пунктов направления сотен тысяч — если не миллионов — латиносов были названы две страны: Канада и Испания. Переговоры, если верить Daily Mail, уже идут. И если с первой всё понятно: Джастина Трюдо, премьера этой страны победившей либеральной диктатуры, оладьями с кленовым сиропом не корми — дай принять каких-нибудь ущемлённых коричневых людей, то с Испанией всё интереснее. Цивилизационное единство Пиренеев и испаноязычной Америки в последние несколько лет всё чаще подчёркивается в речах разных южно- и латиноамериканских политиков. Звучит даже полузабытый термин "Испанидад" — неофициальное объединение испаноязычных стран, включающее в себя (кто бы мог подумать!) и страну на юго-западе Европы. Испанский премьер с очень испанским именем Педро Санчес, похоже, не возражает против такого варианта услужить начальству, так что вскоре, может статься, в Европе откроется очередной миграционный фронт: вдобавок к арабам, туркам и прочим украинцам Старый Свет будут колонизировать потомки тех, кто уплывал колонизировать Свет Новый.

РАЗГОВОРЫ об опиоидном кризисе или о толпах мигрантов редко учитывают тот факт, что у границы, вообще-то, две стороны. И если американскую грань вопроса разобрали подробней некуда, то настоящий интерес с точки зрения международной политики представляет именно южная сторона этой границы. Неправильный стереотип гласит, что в Мексике всем рулят картели. Это вовсе не так, ведь помимо наркокартелей есть ещё и не продающие наркотики банды, полулегальные военные формирования, правительство и не всегда подконтрольная ему армия, в составе которой имеют место разногласия между родами войск. Словом, мексиканские внутренние противостояния насыщенны и пестры, как мексиканская кухня. Во главе страны стоит Лопес Обрадор, которого глобальная пресса именует "левым популистом". Этот самый "левый популист" занимает пост президента с 2018 года и за это время успел создать своей республике массу проблем на американском направлении. Во-первых, конечно, бессилием сделать что-то с преступностью в северных районах страны. Во-вторых, своими нестабильными отношениями с Вашингтоном. Если при Трампе он заделался лучшим другом рыжего президента, что, кстати, помогло сбить накал ненависти к тому со стороны латиноамериканского сообщества, то сейчас Обрадор выступает своего рода мексиканским Эрдоганом — его антивашингтонская риторика направлена на постоянные попытки северного соседа мутить мексиканскую воду. Предыдущее обострение американо-мексиканских отношений было вызвано речевым недержанием Трампа. Он в конце марта предложил решить проблему картелей и бандитов к югу от границы любимым способом американских ястребов: бомбардировками. То, что поначалу выглядело как акт эпатажа, в течение недели оказалось раскручено до серьёзного обсуждения планов: будет ли задействована пехота, как много самолётов придётся использовать для уничтожения тайных баз картелей, нужен ли флот. Многие связали этот всплеск антимексиканских настроений республиканцев с защитой интересов избирателя из глубинки. Ведь в том же марте Мексика запретила ввоз генно-модифицированной кукурузы, основным покупателем которой она являлась. Это, как пишут американские агрономические издания, стало катастрофой для производства. Республиканцы, раскрутившие предложение Трампа, ненадолго вернули нам 2003 год, когда разговоры в духе "куда бы нам ещё вторгнуться" были к месту. В 2023 году Мексика, понятное дело, отреагировала на такие беседы крайне негативно, заявив, что, хоть военные действия и предполагается вести против картелей (чью опасность не перестаёт подчёркивать само правительство), вторжение американских войск на свою территорию Мехико воспримет как… вторжение американских войск на свою территорию. Сложно сказать, насколько подобные бравады Трампа имеют отношение к его реальным намерениям. В конце концов, он не такой болван, каким его пытаются представить. Но и на обещания Обрадора "жёстко ответить" тоже следует смотреть со скепсисом — мексиканский президент отлично понимает, что показательно уязвлённая реакция на подобные глупости с севера повышает его рейтинги среди населения. В 2024 году Обрадора ждёт окончание полномочий, а в соответствии с мексиканскими законами переизбираться президент не может. Именно поэтому риторика Обрадора нацелена на продвижение системы взглядов своей партии — Движения национального возрождения. Левый испанский национализм, смешанный с противодействием новым веяниям глобального либерализма, — таков самый популярный настрой не только в Мексике, но и в Испанидаде в целом. Зрелищный, но довольно бесполезный лай на Соединённые Штаты решает две задачи: как уже было сказано, помогает потенциальному преемнику Обрадора на будущих выборах и лепит из Мексики безоговорочного политического лидера Испанидада. Вместе с левым популизмом и своеобразной манерой выступлений Обрадор заслуживает этим сравнения с покойным Уго Чавесом. Мексиканская власть, судя по количеству в местной прессе цитат из транснациональных медиа, приводивших это сравнение, такой параллелью гордится. Но дело тут не только в идеологической направленности и привычках выступать.

СРЕДИ немногочисленных анализов американо-мексиканской ситуации в международной прессе часто можно встретить суждение о том, что за разладом между соседями стоит Китай или Россия — от кого же ещё могут исходить напасти? В качестве аргументов приводятся огромные цифры товарооборота между КНР и странами Латинской и Южной Америк, российское влияние, расползающееся из Венесуэлы, и развитая сеть военных, транспортных и околонефтяных контор в регионе. Но подобный путь мышления — ловушка для бесхитростных пропагандистов глобализации, у которых любая неудача объясняется кознями Пекина или Москвы. Мексика амбициозна. Громадная страна с населением в 126 миллионов человек претендует на лидерство не только в регионе, но и в сообществе Испанидад в целом. Разговоры о политической несостоятельности мексиканской власти из-за разгула оргпреступности в стране имеют не больше оснований, чем утверждения об аналогичной ситуации, скажем, в Бразилии, где преступность куда выше. Пока что для обозначения своих амбиций мексиканскому президенту достаточно изредка наезжать на США, причём даже не на федеральную власть, а на руководство отдельных штатов или на са́мого эпатажного оппозиционера. Но скоро для подтверждения намерений этого станет мало и понадобится что-то ещё. Что именно? Намёк сделала министр иностранных дел ЮАР Наледи Пандор. Разжигая всеобщий интерес к саммиту БРИКС, который пройдёт в стране в августе, она назвала Мексику в числе семи стран, что выразили намерение присоединиться к организации. Сложно сказать, насколько далеко идут такие намерения. В конце концов, Мексика не так мотивирована вырезать себя из тела глобализма, как упомянутые в том же списке Аравия или Аргентина. Но сам факт таких устремлений открывает окно возможностей для претворения страшилок международной прессы в жизнь: лояльный член антиамериканского блока прямо под боком у США может серьёзно испортить жизнь дяде Сэму.

Материалы полосы подготовил Илья ТИТОВ

ГЕРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Подполковник Александр Александрович Аксёнов, заместитель командира 18-й бригады армейской авиации по военно-политической работе 11-й армии Военно-воздушных сил и противовоздушной обороны Воздушно-космических сил.

С 24 февраля 2022 года в составе своего подразделения принимал участие в Специальной военной операции по защите Донецкой и Луганской Народных Республик. В качестве командира специальной боевой вертолётной группы он лично руководил подготовкой экипажей, грамотно организовывал выполнение боевых задач личным составом, применяя при этом нестандартные методы действия экипажей армейской авиации, неожиданные для противника, благодаря чему успешно выполнял задачи по уничтожению особо важных целей.

Управляя вертолётом Ка-52, рискуя жизнью и проявляя хладнокровие в условиях возможного огневого поражения переносными зенитно-ракетными установками ВСУ, выполнял особо важные и опасные боевые и специальные задачи по разведке, уничтожению объектов вооружения, техники и живой силы противника. За время участия в операции совершил 317 боевых вылетов, в том числе в сложных метеоусловиях, в ходе которых уничтожил 139 опорных пунктов, 27 танков, 14 боевых машин пехоты, 18 бронетранспортёров и более 500 военнослужащих ВСУ.

17 сентября 2022 года подполковник А.А. Аксёнов совершал вылет на вертолёте Ка-52 в качестве ведущего авиационной группы в Пологовском районе Запорожской области. В ходе рейда он уничтожил несколько единиц бронетехники, однако в районе села Балочки на сверхмалой высоте был сбит зенитным ракетным комплексом "Бук". От попадания ракеты вертолёт взорвался в воздухе, экипаж погиб.

Указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, полковнику Аксёнову Александру Александровичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).